

ПОЛОННОЕ СОЛНЦЕ

3

СОЛНЦЕ РУСИ

ЕЛЕНА
ДУКАЛЬСКАЯ

Елена Дукальская

Полонное Солнце. 3

<https://litres.ru/74055279>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герои вернулись домой. На Русь. Но, проблем меньше не стало, ибо те тайны, что составляли их жизнь в Таврии, не раскрыты до конца. Кто окажется по-настоящему рад их возвращению, а кто скроет лютое недовольство за улыбкой? Неизвестно... Родной дом, теплый и гостеприимный, не может защитить, ведь за его стенами невозможно укрыться от подлости и предательства. И в этих обстоятельствах друзья вдруг раскроются с неожиданной стороны. А враги подойдут очень близко. И жалость будет им незнакома...

Содержание

Глава 1. Patria Terra

4

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Елена Дукальская

Полонное Солнце. 3

Глава 1. Patria Terra

Лучше всех держалась Калерия. Даже Молчан зашмыгал носом, когда Веслав и Горан, оба сразу, обняли его. Антония сжимала в могучих объятиях Марию, пытаясь сбивчивой скороговоркой дать ей последние напутствия, что-то шептала, поглядывая на Юна, который улыбался, стоя рядом.

К нему подошёл Гато.

И ещё раз попросил прощения за все, что сделал, обещая никогда больше ни с кем так не поступать. Душераздирающе рыдала Дора, вспомнив, что забыла остричь Божана, и он отправится на Русь недостаточно красивым. Тот неожиданно легко и весело засмеялся и даже поцеловал ей руку, благодаря за все.

Калерия подошла к Тамиру. Он смотрел на неё большими глазами и отчаянно сжимал губы.

- Не смей! - Она погладила его по щеке. - Я знаю, что в душе ты плачешь. Не смей! Тебя ждёт новая жизнь, и она будет прекрасной, поверь. Очень трудной. Но очень прекрасной.

- Матушка... - Улыбнулся Тамир. - Ты сама в это не веришь. Как ты будешь здесь без меня? Без нас? Что ты ста-

нешь делать?

Она повернулась и посмотрела на Ероху, что растерянно оглядывал сейчас всех и рыдал в три ручья.

- У меня будет, о ком заботиться, не беспокойся. Этот человек покоя мне явно не даст.

Тамир засмеялся и прижал её к себе, радуясь, что может теперь сделать это открыто, не таясь. А она, обнимая его, сжала зубы, чтобы не закричать, не упасть перед ним на колена и не начать умолять остаться. С ней! Ради неё!!

Боль, словно палач, разрывала своими жестокими руками все внутри, и душа отчаянно кричала. Нет. Не кричала. Она выла сейчас! И этот звериный вой матери, расстающейся с сыном, рвался в небо, как укор тому, кто позволил этому свершиться.

Подошёл Горан. Вовремя, иначе она бы не совладала с собой.

- Береги его, Горан. - Она прижалась щекой к щеке племянника. - Он станет тебе опорой там, на чужбине.

- Он уже моя опора, тётушка. - Горан смотрел на неё своими голубыми глазами, словно стараясь запомнить.

Он уносил сейчас в памяти её образ - гордой, высокой и очень сильной женщины. Матери... Отдавшей всех своих сыновей этому миру.

- Я клянусь тебе, что буду беречь его и помогать во всем. И никогда его не оставлю.

Горан обнял за плечо Тамира, который опустил голову,

отворачиваясь.

Когда лошади покинули двор дома Антонии, и ворота закрылись, Ероха уселся на землю, закрыл лицо руками и зарыдал ещё сильнее, отчаянно прося кого-то там высоко в небе, чтобы они вернулись.

Калерия присела рядом с ним и погладила по голове:

- Не плачь. Они вернуться. Я знаю.

- Когда? - Он поднял голову, вытирая глаза и глядя на неё с надеждой.

- Ты станешь большим и сильным, и они придут за тобой.

- Это будет так не скороооо! - Ероха завыл.

И она обняла его:

- Поверь мне, это случится гораздо скорее, чем тебе кажется, ты даже соскучиться не успеешь. Жизнь бежит так быстро, что порой не успеваешь увидеть, что оставляешь за порогом.

Она помогла ему подняться и повела за собой, обнимая за плечи и вытирая ему нос платком.

- Веслав попросил меня приглядывать за неким Иаковом, старьевщиком из Каффы. Тот стар и у него маленькая внучка. - Сказала она Антонии.

- Я знаю. - Антония кивнула. - Меня о том же просил Горан. Справимся... Я хочу уговорить старика переехать ко мне... Не думаю, что он согласится, но попробовать можно. Хотя мне будет теперь труднее следить за чем-то.

- Почему? - Калерия посмотрела на неё с тревогой.

Антония улыбнулась хитро.

- Антония!!! - Калерия взглянула на Гато, который что-то толковывал Молчану, а потом вновь на Антонию. Ахнула радостно, а после спросила:

- Когда?

- К началу весны. Хотелось бы девочку. Всю жизнь провела с мужами суровыми... Назову Марией.

- А, если будет мальчик? - Калерия усмехнулась.

- Ну... Там решим. Но я буду ждать девочку.

Калерия обняла её, крепко прижимая к себе. Ероха ничего не понял, но тоже прильнул к этой тяжёлой, большой, громкой женщине, которая ему отчаянно нравилась, и она положила ему руку на плечо, нежно сжимая в благодарность.

Тамир,двигающийся сейчас на лошади по дороге, что вела его в новую жизнь, не знал, что его мать, вернувшись домой, и отпустив Ероху с Молчаном чистить лошадей, спустилась в осиротевшую кухню, в которой сейчас было непривычно тихо, подошла к столу и неожиданно обнаружила его шапочку, в которой он всегда готовил и которую очень любил, ведь это она связала её ему из тонкой овечьей шерсти. Шапочка одиноко лежала на столе, забытая в спешке хозяином, и Калерия взяла её обеими руками, прижала к лицу и заплакала горько, надеясь, что никто не услышит. Шапочка ещё хранила запах волос Тамира, и Калерия вдыхала его, стараясь запомнить навсегда. Ноги ослабели, она опустилась на стул, плача и прижимая эту шапочку к себе, и вдруг по-

чувствовала, что кто-то погладил её по плечу. Она подняла голову. Рядом стоял Ероха:

- Не плачь, тётя Калерия. Я тебя не брошу. Никогда. Клянусь. Всегда буду с тобой, что бы ни случилось.

Она засмеялась сквозь слезы, обняла его и закрыла глаза, читая молитву, чтобы Бог помог в дороге её мальчишкам. Всем им. Поддержал и не оставил. Никогда...

Бесконечная дорога уходила вдаль, прокладывая путь в новое и неизведанное. На холме, когда Каффа уже осталась далеко позади, Юн неожиданно остановился на крутом берегу Понтийского моря, подъехал к краю и замер, глядя на воду. Он попрощался с местом, в котором провел долгие годы своей несвободы, годы учения, годы взросления.

Он ни о чем не жалел. Прошлое оставалось в прошлом, впереди ждала новая жизнь и новая цель. Ему нужно отыскать мать, найти себя, узнать свою землю. Не забытая им Русь ждала его где-то там, далеко отсюда. Он слышал, как она зовёт его, и откликнулся с радостью на её зов. Им всем предстояла тяжёлая работа, и мужества должно было хватить на долгие годы вперёд. Все только начиналось. Но они еще не знали об этом.

Баатур подъехал к Юну:

- Красиво, правда?

- Да. Очень. - Кивнул тот.

- Не жалеешь?

- Как сказал бы мой прежний хозяин господин Линь: "Ес-

ли муха попадёт даже в самую мягкую паутину, то конец её все равно всем известен. Поэтому лучше летать под дождём и искать себе пропитание на холоде, чем лежать в паутине, ожидая, когда к тебе приползет паук"

Баатур засмеялся:

- Мудрый человек был твой прежний хозяин!

- Ещё какой! - Улыбнулся Юн, с теплотой вспоминая учителя. Тот тоже оставался здесь, в этой земле, и Юн уже не сможет даже поклониться ему.

Он тяжело вздохнул. Калерия обещала навещать это место... Он не хотел обременять её, но она вызвалась сама.

Баатур выжидающе смотрел на него, видя, как он повесил голову. Но Юн тряхнул волосами, повернул лошадь и сказал:

- Давай наперегонки.

И они поскакали догонять основной отряд, во главе которого ехал Веслав, о чем-то тихо беседующий со Сторожкой. А она согласно кивала головой в такт его словам, будто все понимала и знала наперёд.

Солнце стояло в зените. Оно было жарким и колючим это злое полонное солнце Таврии, которое взяло у них так много, но и дало им немало, и теперь спокойно взирало на них, как бы говоря: "Ну все... Дальше вы сами!"

Оно сейчас передавало их другому солнцу, что скоро встанет для них над горизонтом - холодному, суровому, но такому своему, знакомому и родному для многих солнцу - солнцу Руси. Рыжему, как Горан и Некрас.

Каким оно будет для всех этих людей, что двигались сейчас по широкой, вытоптанной тысячами ног дороге? Никто из них не знал. Да это сейчас им было и не нужно.

Также не нужно описывать каждый день их пути, ибо эти дни, идя чередой друг за другом, приближали их к дому.

Они пережили многое на этой дороге: переправы через реки, нападение ордынцев, когда очень помог Баатур, крикнувший напавшим, что едут свои, и те поверили. Степан чуть не утонул в болоте, и его вытаскивали всем миром.

Бывало всякое, но они продолжали упрямо идти вперёд, подчиняясь невидимой воле того, кто уже давным-давно избрал для них этот путь... И они не могли от него отказаться...

Они переходили овраги, останавливались на ночёвку в поле, охотились, опять отражали нападения кочевников, шли по дорогам, купались в реках... Жара давно сменилась обычным недружелюбным теплом, часты были дожди и грозы.

Затем вновь приходило тепло. По дорогам двигались люди. Иногда они видели следы нападений, сожженные деревни... Встречали ратников, натыкались на патрули, проходили заставы. Орден очень помог. Он получал сведения от передового звена, что двигалось впереди, и все знали, когда и как можно ждать нападения. Только однажды их привычная опека дала сбой.

На них напал довольно большой отряд кочевников. Это произошло неожиданно, когда они свернули с большой дороги, чтобы объехать лесной завал. Потом уже они поняли, что это просто была засада ордынцев.

Когда в седло воткнулась стрела, Веслав прыгнул с лошади и проворно спрятался за ней. Он порадовался, что поддался на уговоры Юна и взял с собой в путь лук. Да и не только он. Хорошо вооружены были все. Бой тогда случился жестокий. Ещё одна стрела пропорола рукав рубахи Юна, и он с досадой выдернул ее, целясь в ответ и закрывая собой Марию. Они спрятались за лошадьми и тем странным образом оставались спокойными, не подведя их и, как это ни странно, не получив ни одной раны...

Сражались долго, под конец перейдя на мечи. Веслав теперь прикрывал Юна, тот не очень хорошо владел мечом, но зато продолжал стрелять, делая это с дикой скоростью.

Горислав со своими ратниками бились с напавшими не менее отчаянно, и скоро кочевники были повержены. Все.

Когда пришли в себя и отдышались, то увидели, что у Тамира в боку торчит стрела. Испугались, а, когда он снял рубаху, оказалось, что она застряла в её складках, и все выдохнули.

У Юна на виске пролегла большая кровавая царапина, почти шрам от стрелы, срезавшей часть волос. Гор смочил тряпицу каким-то отваром, промокнул рану по всей длине и сказал, что скоро пройдёт.

Они остановились на ночлег на берегу большой реки. До города, где должен был задержаться Орден, оставалось около двух сотен верст. У воды расположился покосившийся амбар с сеном, неизвестно кому принадлежавшим и непонятно как сохранившемся, и они обрадовались. Разожгли костёр. Тамир, Феодор и Божан кошеварили. Юн сидел у амбара, прислонившись к стене и обнимал Марию.

Остальные, оглядевшись, отправились купаться. Ратники Ордена стояли по периметру, с луками в руках, охраняя лагерь. Мария, напуганная битвой, не отпускала руки Юна, прижимаясь к нему. Она осмотрела его рану, а потом поцеловала. Он повернулся к ней, улыбнулся своей солнечной улыбкой и ответил. Они принялись целоваться, а потом он тихонько поднялся и потянул её за собой в приоткрытую дверь амбара. Сено, как ни странно, было ещё свежим. Они упали на него смеясь и продолжая целоваться. Мария обняла его, а он целовал её, гладил её руки, и она вдруг подалась к нему, прижимаясь всем телом и жарко целуя в ответ...

Тамир, потерявший их из вида встал, огляделся тревожно и пошёл к амбару. Дверь косо висела на петлях. Он заглянул в щель, постоял немного, улыбнулся и тихо отошел. Навстречу ему попался Божан:

- Пойду их купаться позову, где они? - Спросил он у Тамира и направился к амбару.

- Божан, не ходи... - Тамир поймал его за руку.

- Почему? Я быстро, только позову. - Простодушно отве-

тил тот.

- Не ходи сейчас туда, Божан... Не надо...

Улыбка на лице Божана погасла. Он подошёл к дверям амбара, взялся за них рукой, посмотрел. И отвернулся, глядя на Тамира большими глазами:

- Теперь она совсем его... – С тоской сказал он, понимая, что надежды больше не осталось.

- Она всегда была его, Божан. С самого начала. И это справедливо. У нас с тобой никогда не было надежды...

Божан удивлённо взглянул на него, а Тамир обнял его за плечи и повел за собой к костру, тяжело вздыхая и одновременно улыбаясь. Полноводная река несла перед ними свои воды, тяжело ворочалась, с трудом умещаясь в берега. Течение её было быстрым. Она словно бы торопилась дать людям призрачное ощущение покоя и отдыха. Но они понимали, что все обман. Тот мир, в котором они жили, был страшно жесток, и его суровые объятия давно сомкнули вокруг них свое кольцо.

Юн появился через некоторое время, подошёл к костру, посмотрел на друзей, что глядели, многозначительно улыбаясь, и усмехнулся, усаживаясь меж ними и обнимая за плечи. Из воды вышел Вэй, зябко поеживаясь и торопясь надеть рубаху. Появился Некрас, Баатур уселся на берегу. Степан с недовольным видом, отгоняя комаров, подошёл к костру, следя за готовкой. Феодор, которого Веслав начал на русский манер звать Фёдором, присел на корточки рядом с Тамиром.

Веслав и Горан, искупавшись в теплой воде вечерней реки, уселись на поваленный ствол дерева, опустив ноги в воду. Горан оглядел подернутую туманом гладь, поднял голову в небо, сощурился и произнёс:

- Хорошо как!!

В ветвях прибрежных деревьев шебуршили птицы, собираясь на ночлег. Скоро был готов нехитрый походный ужин. Появилась Мария, кутаясь в красивую шаль из овечьей шерсти, и у Тамира заняло сердце, ведь это Калерия подарила её девушке.

Тамир не удержался и погладил белый пух, мысленно уносясь туда, в Каффу и представляя, как матушка сидит сейчас на крыльце, наблюдая, как уходит за горизонт солнце и думает о нем. Он легко себе представил, как она улыбается... И плачет... Он знал, что так будет. И плакать она будет ещё очень долго. Тихо. Украдкой. Чтобы никто не увидел и не пожалел. Его любимая сильная женщина. Его мать...

Мария улыбнулась всем смущенной улыбкой, Тамир отодвинулся, давая ей место рядом с ним, и девушка благодарно кивнула ему. Её лицо посветлело и разгладилось, с него будто исчезла невидимая вуаль, придающая чертам горестную неподвижность.

В глазах, подсвеченных огнём костра, светилось тихое счастье. Юн обнял её, прижимая к себе, они быстро взглянули друг на друга и засмеялись...

Лада вышла из терема, едва солнце поднялось над горизонтом. Несколько дней уже стояла изнуряющая жара, и она попросила Мирона достать из погреба взвар, какой готовила накануне. Глубокий погреб с инеем по стенам, единственный давал прохладу, и Мирон никогда не отказывался туда спуститься. Погреб был огромным, выложенным камнем и занимал весь подвал под их домом. Веслав, когда возводил терем, сразу решил, что погреб будет таким большим. Он все продумал при строительстве, даже отхожие места были устроены в дальних холодных комнатах под основной крышей, чтобы зимой, а они в здешних местах были студены и промозглы, не нужно было выходить по нужде на двор.

Лада стояла на широком крыльце дома, прислушиваясь к звукам улицы, что шумела за высоким забором. Дом удобно расположился в глубине их большого надела, и с крыльца хорошо был виден кусок двора и огромный терем Радима, откуда сейчас слышался строгий голос Анны, что-то выговаривающей дворовым людям.

Лада улыбнулась. Минуло двенадцать дней, как Мирон однажды прибежал на берег, где она сидела на их с Веславом бревнышке перед жарко пылающим костром и упал перед ней на колена с радостным криком:

- Матушка моя! Радость! Радость теперь у нас!! Голубя Веслав прислал!

Она вскочила. Вестей долго не было, и она закручинилась совсем, решив, что он, занятый делами княжества, не торопится возвращаться домой.

- Читай сама, мать моя! Я не решаюсь!

Она развернула небольшой пергаментный свиток и принялась разбирать каракули Веслава, какой не выводил каждую буквицу отдельно и собирал их подчас в одно длинное слово, в котором надо было различать, что где.

Нахмурившись и шепча губами, она принялась за сие мучительное разбирательство.

Миرون замер рядом, и его высокая мощная (под стать хозяину) фигура заслоняла её от солнца, что мешало видеть. Он пристально вглядывался в написанное, будто тоже что-то понимал. Но сам он читать не любил, буквы казались ему похожими на жуков, выползших на бумагу и придавленных кем-то неосторожным. Миرون их побаивался и уважал тех людей, какие в этом скоплении мелких чудищ что-то понимали.

Постепенно вокруг них собралась толпа дворовых людей, с волнением ожидающих вестей. Подошла даже Улита, высокая дородная ключница, баба вредная и склочная, но больно смекалистая, что вела у Веслава хозяйство ещё до Лады, да так и осталась после её появления, чтоб, как она сказала, "помогать". Лада подозревала, что Улита неровно дышит к Веславу, чего тот совершенно не хотел замечать, оставаясь равнодушным к её вроде бы теплomu отношению. Ладу

Улита недолюбливала, считая блаженной и порченной после плена, о чем любила посудачить с кумушками на улице.

- Вот, чего он с этой малахольной возится, ведь ни кожи, ни рожи, прости Господи! А то! Она ж из полоненных, а там сами знаете как. Под каждого мужика, хочешь не хочешь, а подлаживайся. И ни один мимо не пропустит. Она ж пять лет в рабынях прожила, поди всяко бывало... И чего ему в ней, вот вы, бабы, мне скажите??

- Стало быть, много чего может теперь. Научилась! - Зубоскалили бабы, каким Улита охотно жаловалась на судьбу.

Веслав тогда услышал.

Подошёл, спокойно взял Улиту за шкурку, не обращая внимания на визг остальных, и отвёл домой, попутно ругая на чем свет стоит. Улита тогда испугалась, понимая, что болтовней своей налетела, поди, на зуботычину от строгого хозяина своего. Пока шлепали домой, она утирала горькие слезы и просила простить её за ради Христа, глупую и болтливую бабу. Веслав со всем соглашался, но ничего не обещал.

Дома развернул её к себе лицом, поглядел сверху вниз и сказал своим резким хриплым голосом, от которого пробирала дрожь:

- Ещё раз увижу, что ты с бабами от безделья своего и глупости лясы точишь на улице и жене моей кости перебиваешь, заплатишься. Поняла?

Улита, часто закивала, глотая слезы и крестясь:

- Веслав, вот тебе крест святой, бес попутал! Христом Бо-

гом клянусь, не буду больше! Никуда более не пойду, и товаркам скажу, чтоб не приходили. Прости меня, бабу глупую!!! Прости!!

- Сплетни про Ладу чтоб не разводила более, а то со двора погоню поганой метлой, да по всей улице проведу с позором, чтоб все знали, кто ты есть!

- Не надо, Веслав! - Улита упала перед ним на колена свои, заламывая руки. - Умоляю, прости!

Он выругался, поднял её с колен и приказал сквозь зубы:

- Вон ступай! И чтоб на глаза мне не попадалась без дела, свиристелка!

Улита на время затихла. Но нутро свое переделать не смогла никак, и украдкой болтала через забор с товаркой из дома Радима, комнатной девкой Липой, которую Веслав называл Прилипкой, за желание всем рассказывать сплетни и слухи, хотя бы они того или нет.

Лада прочитала послание и радостно засмеялась:

- Едет он! В пути уже! В городок малый Москов по дороге заехал, а уж оттуда домой...

- Стало быть, дён пятнадцать его ждать еще. И то, ежели на дорогах спокойно будет.

- Непокойно, пишет... Ордынцев, говорит, много. Да всякий лихой люд балует. И на заставах народу полно... Почитай, что круглый день теряешь.

- Народ есть с им какой?

- Есть, пишет. Говорит, чтобы не волновались. Но народу

с ним довольно прибудет.

- Ещё чего написал? Про Некраса слышно, чего? - Раздалось из-за забора. Лада повернулась. Анна. Лицо осунувшееся, скорбное. Все знали, что судьба отряда Некрасова не завидная... Кто-то погиб, а парня в полон захватили... Анна, как узнала, так и упала тогда, да с неделю пролежала. А после, как вставать начала, все вестей ждала, знала, что князь Веслава просил самолично поискать парня в Таврии. Может, повезёт...

Лада посмотрела на неё, улыбнулась широко и крикнула ей радостно:

- Жив Некрас! Жив! Вызволил его Веслав! С собою везёт!! Просил передать и тебе, соседка дорогая, кланяться!!!

- Аааа! - Анна исчезла, и из-за забора послышался счастливый плач и причитания. Скоро калитка распахнулась, и она возникла на пороге вся в слезах. Бросилась к Ладе, обхватила её руками и заголосила радостно, желая Веславу долгих лет и счастья... Люди вокруг весело загомонили, обсуждая новость.

И вот теперь двенадцать дён из отмеренного времени миновало. Князю о новостях доложили, он обрадовался и даже самолично появился на пороге их дома вчерашнего дня, ввечеру. Свита с ним была малая, да и сам он, неузнанным в темноте прошёл в дом, и Лада протянула ему записку супругника своего.

- Гляди-ка, а мне ведь не написал... - С укоризной про-

изнес Александр, становясь очень похожим сейчас на обиженного мальчишку. Да он и был ещё молод покуда, и только холодный блеск глаз выдавал в нем не простого ратника. Лада угостила его пирогом и свежим квасом. Он поел с удовольствием и сказал, что собирается поохотиться, покуда есть возможность.

- Людей с собой чуток возьму. Жаль, Веслав ещё не вернулся. С ним сподручнее было бы. Всех новостей он тебе не рассказал, поди? - И молодой князь как-то по-особому тепло улыбнулся ей. Темные глаза его блеснули озорством, будто он знал какую-то тайну, но выдать ее не мог покуда.

- Нет. - Лада недоуменно поглядела на него. Он растрепал в странном смущении свои густые волосы, обрамляющие его голову красивой, под стать глазам, темной густой шапкой, и улыбнулся одними губами.

- Ну, стало быть, приедет да сам все расскажет. А новостей у него в этот раз много. Славно он съездил. И ратников везёт с собой добрых! Вот это я знаю наверняка. И рад безмерно! Славный супружник у тебя, Лада... Ты уж не серчай на него, ежели что!

- Что ты, князь! Моё ли такое дело? Мы с ним в мире и согласии живём, более мне и не надобно ничего.

- Ну и добро! Ещё вот обвенчаем вас, да свадьбу отгуляем, а там и дальше живите, как можете.

- Ну, это, как он сам решит. Я наперёд его воли не пойду.
- Лада опустила голову, поклонившись князю.

- Решит-решит. Он муж верный и правильный. Ты ему доверяй. Все хорошо у вас будет. А теперь - особенно.

И с этими словами князь вышел, оставив её в прежнем недоумении.

А утром затрубил пронзительно рог, князь с людьми отправился в окрестные леса на охоту.

*

На подходах к граду малому, в просторечии своем названному по реке, на берегах коей он и устроен был, Москве, стояли заставы.

Нападение Бату было недавним, и даже следы его ещё сохранялись кое-где, а сам город он выжег жестоко, оставив по себе недобрую память, да пустив наперед себя злую молву и проклятия.

На заставах отряд останавливали, проверяли, кто да откуда, оглядывали Баатура, подозревая в нем ордынского лазутчика. Именно здесь на подходах к городу, уже чувствовалось, что Русь и сама теперь в беде и непокое.

На заставных валах с устроенными по низу их ямами, а по верху ошестинившихся деревянными островерхими тынами, стояли люди в кольчугах и при оружии, с суровыми лицами, нехотя пропуская пришлых далее. Вооружённых было много, даже очень, а в версте от Москвы, среди густых лесов встречались недавно построенные надолбы и глубокие рвы, что не позволили бы противнику легко напасть сызнова.

Все тревожно оглядывались, замечая относительно свежие кресты вдоль по дорогам.

*

Солнце припекало все сильнее, и Веслав вытер пот со лба рукавом рубахи. Жар проникал всюду, тяжелыми волнами перетекая по спине и скатываясь на хребет лошади... Вокруг шумело людское море, билось о стены города, подступало близко к его основанию, и город втягивал его в свое чрево одинаково, не разбирая чинов и сословий.

Отовсюду слышался стук топоров, потому как город Москов поперек лютой силе, прокатившейся по нему огненной волной, когда Батый без жалости пожёг его вместе со всеми жителями, не пожалев ни старого, ни малого, отстраивался теперь заново.

Упрямая воля стекающихся ото всех окрестных мест чудом уцелевших людей заставляла Москву медленно, но верно возрождаться... Повсюду стояли леса, а на них обретались мастера, что прибывали, красили, строгали или пилили. Уже довольно было окрест народу верхами, на повозках, да прибывших, видать, рекою.

Телеги в кое-каких местах мешали проезду, кто-то на кого-то ругался, раздавался чей-то плач, с другой стороны слышался смех.

Сама крепость, расположенная на высоком берегу одно-

имённой реки, была деревянной, но увиделась всем столь мощной, что ясным сделалось - сокрушить полностью ее невозможно... Неисчислимы подпалыны во многих местах крепостных стен были уже заменены новыми, светло выступающими бревнами. Над стенами поднимались высокие деревянные башни с плотно подогнанными венцами. Деревянные, просевшие от пожарищ крыши красовались теперь новыми охлупнями по верхам, резаными с любовью навроде голов конских да украшенные ажурной резьбой по низу. Узкие окна-бойницы шурились на солнце.

Внутри крепости домов разных уже было довольно, да церкви издалека виднелись хорошо. Вдоль внешних стен весь спуск к реке – вновь возводимый посад с теремами в один, а то и два жилья. Много новых, едва отстроенных, но неясным чудом сохранились и какие старые, потемневшие от времени, да чернеющие еще огневыми ранами избы. Дома справные, не на время малое сотворенные, а на годы вперед поставленные, все больше с высокими крыльцами, а, где устроенными навроде целого гульбища. Окна многих украшены наличной резьбой, ворота крепкие с коваными петлями повсеместно, да с засовами, иные дворы даже в зелени.

Улицы сотворены широкими, укатаны плотно, мостовые деревянные, доски в лагах уложены так тесно, что на каких ещё заметны лужи после недавнего дождя, и вода не проходит сквозь них к земле. Народ в основе своей одет справно. И чисто.

Рубахи на московитах разнятся оттенками, иные в зипунах поверх них, а кто и в кафтанах поперёк стоящего теперь жара, многие в ферязях без рукавов и ворота. Поневы на бабах в основном клетчатые, поперёк красной основы у многих идут желтые да зеленые полосы или ещё какого цвета. Волоса молодок прикрыты разномастными шапочками с бахромой, какая напоминает собою выбившиеся неосторожно кудри. Девы в начельных лентах да венцах. Те бабы, что при мужьях, укрыли волосы повойником да убрусом. Народу на улицах на удивление довольно.

Мужья середовые все больше в сапогах с мягкими голенищами, какие зовутся теперь бродни, а другой какой народ по охоте своей в коротких мягких будто бы чунях - поршнях из кожи, да устроенных ладно прямо по ноге и крепившихся с помощью затейливо украшенных ремешков да плетеных веревиц. Обувь сотворена кудряво, красива собою, с вышивкой, видно, что носят ее москвиты от избытка, особой городской кичливости да озорного разудалого хвастовства.

Довольно всяких лошадей, да под разными седлами.

Много уже устроено вновь лавок, торговля идет какая-никакая. Ребяшня шастает босоного промеж жителей.

Есть и нищие, им охотно подают, осеняя себя крестным знаменем. У дверей ближайшего храма, небольшого, нового, видно, что недавно отстроенного, толпится народ, закончилась, поди, служба. Батюшка благословил всех, стоя на пороге, успевая разговаривать с кем-то, кому-то давать советы,

и одновременно подняв голову, что-то объяснять плотнику, что глядел на него с верхотуры крыши, прижимая к себе, привязанный к поясу, чтоб не падал на землю, топор.

Всадников, медленно передвигающихся по улицам, чуток сторонились, провожая глазами, качали недоуменно головами, восхищались их лошадьми. Таращились на стольких людей при оружии, но без доспехов, оглядывали с осторожностью, однако без особого страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.